

УДК 001.3

СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ В ЖИЗНЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИУМА

В. Б. Устьянцев

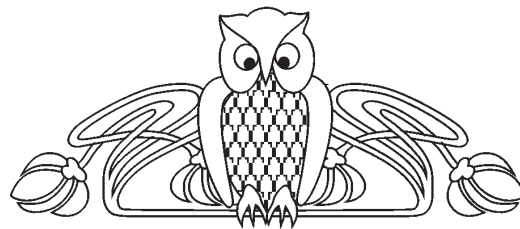
Устьянцев Владимир Борисович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, ystvb@list.ru

В статье обсуждаются современные проблемы наследования и восприятия прошлого с позиций категориального аппарата социальной философии. Концептуальные основания анализа связаны с осмыслением эвристических возможностей концептов «социальное пространство», «жизненное пространство». При анализе онтологии социального пространства следует учитывать три вида пространственных связей: институциональные, пространственно-стратификационные и цивилизационные. Практически и духовно освоенное людьми природно-социальное пространство становится жизненным пространством социума. Концепция социальной памяти, представленная в предшествующих работах автора, получает развитие в статье на основе анализа трех познавательных горизонтов восприятия прошлого. *Традиционалистский* горизонт раскрывается в феноменах и категориях повседневной культуры, где на основе традиций формируется обыденное отношение к прошлому. В транзитивных рискогенных обществах традиции перестают быть условиями консолидации жизненного опыта людей, поэтому жизненное пространство социальной памяти упрощается, снижается влияние на культуру. *Коммуникационный* горизонт воспроизводства прошлого выражает способность субъектов преодолевать кризис обыденных представлений об истории. В концептах «информационный таксон», «коммуникационный риск» выявляется позитивная направленность воздействия информационных потоков социальной памяти на жизненное пространство социума. *Глобальный* горизонт социальной памяти раскрывает новую конфигурацию временных структур общества, где прорыв в будущее сопровождается нарастанием проблем восприятия прошлого, вызванных трансформацией способов хранения информации о прошлом. Постепенное возрастание роли общечеловеческих ценностей в духовной жизни мирового сообщества будет способствовать совершенствованию основных горизонтов социальной памяти современного социума.

Ключевые слова: глобализация, жизненное пространство, информационный таксон, коммуникация, общечеловеческие ценности, риск, социальное пространство, социальная память, традиция.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-414-418>

Глобальные преобразования последних десятилетий изменяют наши представления о роли социальной памяти в современном обществе. Возникает во многом уникальная ситуация, когда

социальная память из относительно самостоятельной подсистемы культуры трансформируется в ментальные и информационные структуры жизненного пространства общества.

Осмысление познавательных горизонтов социальной памяти целесообразно начать с анализа базовых дефиниций «социальное пространство», «жизненное пространство», которые отличаются как по онтологическим основаниям, так и по функциональной направленности. Социальное пространство выражает устойчивую расположенность подсистем и институтов, детерминированную их системными качествами и объективными территориальными связями, образующими первичную основу устройства социума. Жизненное пространство как форма проявления социального пространства раскрывает расположенность социальных субъектов на основе достигнутого статуса, сложившихся жизненных стратегий, базовых ценностей. Иными словами, если социальное пространство оказывается по своей сути институциональным пространством, где социальные субъекты и созданные ими институты устанавливают и закрепляют социальные дистанции, необходимые для утверждения порядка общества, то жизненное пространство, обусловленное жизненными потребностями, социальной и духовной принадлежностью субъектов к определенной территории, раскрывается в ценностях, образах, символах, знаках, посредством которых люди осваивают социальный мир, совершенствуют или, наоборот, разрушают установленные экологические, политические, социокультурные установки сложившегося порядка социума. Для социального пространства определяющими концептами выступают «институт», «институциональная дистанция», для жизненного пространства таким концептом является «ценность».

Думается, что ценностная структура жизненного пространства социума охватывает по крайней мере четыре вида ценностей: а) средовые, регулирующие поведение и общение социальных общностей в природной и в социокультурной среде; б) самоутверждения в социальном пространстве; в) интегративные, посредством которых достигается социальное перемещение индивидов в пространственных

структурах больших и малых поселений; г) ценности, необходимые социальным субъектам для ориентации во временных структурах прошлого, настоящего, будущего.

Ценностные структуры социальной памяти не являются зеркальным отражением жизненного пространства социума. Память общества объединяет совокупность способов и алгоритмов познавательной деятельности, раскрывающих историческое прошлое. Являясь многомерным социокультурным образованием, социопамять отличается несколькими измерениями. Во-первых, это уникальный институт, созданный людьми для воспроизводства материальных, духовных ценностей и ресурсов цивилизации. Во-вторых, социопамять предстает информационной системой, где действуют особые закономерности сохранения, переосмысления и передачи информации о прошлом. В-третьих, это сложная система социокультурной деятельности, которая отличается коллективными субъектами, способами сохранения вещественных, вербальных, письменных артефактов [1, с. 185–186]. Взаимодействие выделенных уровней обусловлено влиянием исторических условий, сложившихся в обществе форм организации общественной жизни и господствующих типов ментальности.

В современном социуме можно проследить несколько горизонтов социопамати, образующих ее пространственные структуры: традиционалистский, коммуникационный и глобальный горизонты воспроизводства прошлого.

Традиционалистский горизонт раскрывается в феноменах повседневной культуры, где на основе повседневных практик формируется обыденное (повседневное) отношение к прошлому. Основу такого отношения образуют традиции как унаследованные индивидами формы социальной регуляции общественной жизни, где реализуется связь настоящего и прошлого, достигается преемственность поколений. Являясь своеобразным консенсусом между разными поколениями, между различными социальными общностями, традиции способствуют накоплению исторического опыта, свидетельствуют о жизнеспособности социальной памяти. Вместе с тем следует различать роль традиций в устойчивых и транзитивных обществах. Если для устойчивых общественных организмов традиции становятся гарантом динамичного развития повседневной культуры, средствами сохранения социального и культурного наследия, то в транзитивных рискогенных обществах традиции перестают быть условиями консолидации жизненного пространства больших и малых общностей. Разнородные элементы рискогенного

общества, материализованные в различных экономических укладах, в различных ментальных структурах, воздействуют на жизненный мир людей, разрушают устоявшиеся стандарты человеческого общения, принятые населением нормы поведения, заставляют социальных субъектов вырабатывать различные стратегии выживания в новой экономической, социальной и культурной среде. Усиление роли ценностных ориентаций, направленных на выживание, упрощает жизненный мир людей, оказавшихся за чертой бедности, приводит к вытеснению из духовного общения установок, направленных на развитие познавательного отношения к национальной истории. Иными словами, изменения ценностных структур повседневной культуры сопровождается изменением традиционалистского горизонта социальной памяти.

Распад или вытеснение на периферию повседневного бытия социума ценностей предшествующего общественного устройства, слабое влияние искусственно созданных «новых традиций» приводят к снижению уровня доверия массового сознания к историческому прошлому, ослаблению влияния социальной памяти на духовную жизнь социума. На эту особенность восприятия прошлого в сознании социальных групп, оказавшихся за чертой бедности, все чаще обращают внимание исследователи, изучающие социальную память российского общества. По мнению И. М. Савельевой и А. В. Полетаева, «можно говорить о снижении оценок значимости и, соответственно, интереса к истории науки и культуры со стороны российского населения» [2, с. 98]. На другом полюсе жизненного пространства социума появляются «внутренние эмигранты», обладающие богатым духовным миром, образованностью, интеллигентностью, но не принимающие правила «дикого» рынка. Пространство социальной памяти «внутренних эмигрантов», не востребованных обществом, государством, временем, оказавшихся в среде неимущих, становится пространством стрессов, конфликтов. В сложившихся условиях традиции перестают оказывать мощное влияние на настоящее, происходит сужение их пространства, нарушается привычная, сложившаяся десятилетиями идентичность человека с прошлым. На этом фоне субъекты социальной памяти стремятся восстановить источники былого влияния, и такими источниками становятся коммуникации.

Влияние образов прошлого на жизнедеятельность и сознание субъектов истории во многом определяется сложившейся в обществе системой коммуникаций. В этой связи *коммуникационный горизонт* социальной памяти обе-

спечивает сохранение и передачу исторических кодов, текстов, артефактов прошлого, тем самым способствует непрерывному воспроизводству исторической реальности в жизнедеятельности поколений. Устойчивые каналы коммуникации настоящего с прошлым образуют информационные ниши, где сохраняются исторический опыт и исторические знания. В более широком контексте бытийственность социопамяти раскрывается в коммуникативной природе социума. Можно согласиться с утверждением Е. В. Романовской: «мы живем в социуме, в котором все проблемы, по сути дела, рассматриваются как *проблемы коммуникаций*» [3, с. 63]. Следует отметить, что коммуникация о прошлом пронизывает самые разные уровни бытийственности людей. Проникая в коммуникационное пространство социальной памяти, образы прошлого распространяются в духовной культуре, получают общественное признание или подвергаются социальной амнезии. Информационные потоки социальной памяти образуют своеобразные «информационные хранилища», которые по-разному используются правящими, творческими элитами или представителями системной оппозиции. Такие хранилища, по моему мнению, можно представить в виде *информационных и диффузных таксонов*. Первые представляют огромные информационные ресурсы на инновационных территориях, где субъекты социальной памяти и субъекты управления создают информационные технологии для успешного функционирования национальных и глобальных инфомагистралей. В таксонах изменяются «верхние этажи» социальной памяти, связанные с системой гуманитарных наук. «В условиях тотальной интернетизации гуманитарная наука и библиотечное дело, – отмечает С. В. Тихонова, – трансформируются в цифровую гуманитаристику, а традиционные СМИ переходят в цифровую фазу развития» [4, с. 72]. Появление информационных таксонов ускоряет формирование цифровых поколений.

Возникая на начальных стадиях компьютерной революции, диффузные таксоны, в отличие от инфотаксонов, содержат локальные изменения в жизненном пространстве социума, вызванные внедрением компьютерных технологий в отдельных элементах передового производства, бизнеса, социального управления и образования. Наукоемкое производство и начальные фазы цифровой экономики сочетаются с сохранением индустриальных технологий, культуры печатной книги в образовании, в массовом сознании, в институтах социальной памяти.

Думается, что для исследования коммуникационных процессов социопамяти устойчивых

и переходных обществ определенное значение имеет концепт «коммуникационный риск». Выражая онтологию рискогенной деятельности социума и человека в сетевом обществе, он аккумулирует знания о рисках в сетевых коммуникациях [5, с. 168–169]. Коммуникационные риски по-разному проявляются в информационных и диффузных таксонах. В первом случае открывая новые возможности для прогрессивного развития социума и его социальной памяти, инфотаксоны таят целое семейство рисков, опасных для социализации, здоровья людей. Уже сегодня все более заметны тенденции массового электронного зомбирования населения, появляются все более сложные формы манипуляции массовым сознанием в интересах властвующих элит.

Острые социальные, экономические, технологические проблемы и риски диффузных таксонов свойственны в первую очередь транзитивным обществам. Таксоны заменяют функционирование социальной памяти. В этом случае возникают угрозы идентификации рисков. Можно согласиться с позицией Д. А. Аникина, рассматривающего риск как угрозу: «Под идентификационными рисками понимаются потенциальные угрозы существованию определенной социальной группы, вызываемые созданием или поддержанием социальной памяти, провоцирующей конфликты с другими социальными группами на религиозной, национальной или какой-либо иной основе» [6, с. 110]. Автор обращает внимание на тот факт, что социальная память не только впитывает риски, идущие от социальных групп или всего транзитивного общества, но и порождает все новые риски, способные подорвать жизнедеятельность социального организма. Следует добавить, что именно диффузные таксоны и их амбивалентная природа становятся наиболее благоприятной средой для агрессивной направленности памяти социальных групп, отличающихся национальным экстремизмом, готовностью к террористической деятельности.

Глобальный горизонт социальной памяти в последние десятилетия приобретает более четкие очертания. Выражая начало реальной интеграции народов мира в единую общность, глобализация находит отражение в новых дефинициях – «память человечества», «память мирового сообщества», «память мегасоциума». При всем многообразии глобальных процессов наиболее заметное воздействие на сознание оказывают информационные потоки в пространстве массмедиа, культуры, образования.

Глобализация изменяет жизненное пространство социума, оказывает воздействие на пространство социальной памяти. Развитие

глобальных информационных сетей приводит к изменению повседневной культуры и институциональной иерархии информационной деятельности национальных государств. Глобализация подрывает национальную идентичность, ослабляет стремление этносов и других исторических общностей к саморазвитию. В глобализирующемся социуме национальный опыт обесценивается, вытесняется прагматическими ценностями настоящего. Глобальные изменения в жизненном пространстве информационного общества трансформируют формы и способы хранения информации о прошлом. «Интеграция разных способов накопления информации размывает традиционные дисциплинарные рамки институтов памяти» [4, с. 72]. Изменение образов прошлого происходит под воздействием электронных библиотек, цифровых артефактов, web-ресурсов. В условиях интеграции непрерывно нарастает «электронная институализация» знаний о прошлом. На фоне весьма негативных сдвигов, вызванных воздействием электронных медиакоммуникаций, все явственнее обнаруживаются феномены отчуждения в сознании индивидов. Пространство сети порождает амбивалентного человека с его неоднозначным отношением к прошлому от демонстративного неприятия большинства традиций до ностальгии о безвозвратно ушедших временах.

На фоне негативных рискогенных процессов в культуре в массовом сознании, вызванных глобализацией, следует отметить позитивные последствия влияния новой реальности на функционирование социальной памяти. В первую очередь это отношение к общечеловеческим ценностям. В жизненном пространстве социопамати глобальные ценности связаны с игрой человеческого разума, стремлением человека к свободе и творчеству. Как справедливо утверждают Э. Фромм и Р. Хирау, «атрибуты человека – разум, способность к созиданию, включенность в со-

циум и способность к символотворчеству – действительно сущностные, хотя они и не образуют тотальности человеческой природы» [7, с. 149]. Раскрывая глубинные основания человеческой природы, предельные нравственные изменения человеческих деяний, общечеловеческие ценности для познающих субъектов становятся средством осмысления духовных традиций прошлого в разнообразных концептах, утвердившихся в постиндустриальном социуме. Свобода, благо, справедливость, способность к созиданию, выступая атрибутом коллективного разума у разных народов, становятся ценностными ориентирами индивидов в исторических событиях, по-разному проявляясь в новой исторической реальности.

Список литературы

1. Устьянцев В. Б. Артефакты в жизненном пространстве социальной памяти // Устьянцев В. Б. Время/бремя артефактов (социальная аналитика непоправимости) : сб. ст. СПб., 2004. С. 185–194.
2. Савельева И. М., Полетаев А. В. Обыденные представления о прошлом : теоретические подходы // Диалоги со временем : память о прошлом в контексте истории. М., 2008. С. 50–76.
3. Романовская Е. В. Герменевтика традиций. Саратов, 2010. 120 с.
4. Тихонова С. В. Память Интернета и социальная память : перспектива слияния // Философия времени : онтологические начала и ценностные дискурсы. Саратов, 2017. С. 68–73.
5. Устьянцев В. Б. Концепт риска в проблемном поле социальных наук // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, вып. 2. С. 165–170.
6. Аникин Д. А. Топосы социальной памяти в обществе риска. Саратов, 2011. 144 с.
7. Фромм Э., Хирау Р. Предисловие к антологии «Природа человека» // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М., 1990. С. 146–168.

Образец для цитирования:

Устьянцев В. Б. Социальная память в жизненном пространстве социума // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 414–418. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-414-418>

Social Memory in the Life Space of Socium

V. B. Ustyantsev

Vladimir B. Ustyantsev, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, ystvb@list.ru

The article discusses modern problems of inheritance and perception of the past from the standpoint of the categorical apparatus of social philosophy. The conceptual bases of the analysis are

connected with the comprehension of the heuristic possibilities of the concepts "social space", "living space". When analyzing the ontology of social space, three types of spatial relationships should be considered: institutional, spatial-stratification and civilizational. Virtually and spiritually mastered by people, the natural and social space becomes the life space of the society. The concept of social memory, presented in the author's previous works, develops in the article on the basis of an analysis of the three cognitive horizons of perception of the past. The traditionalist horizon is revealed in the phenomena and categories of everyday culture, where on the

basis of traditions a common attitude to the past is formed. In transitive risk-based societies, traditions cease to be conditions for the consolidation of people's life experience, in connection with this the living space of social memory is simplified, and the influence on culture is reduced. The communication horizon of the reproduction of the past expresses the ability of subjects to overcome the crisis of ordinary ideas about history. In the concepts of "information taxon", "communication risk", a positive direction of the impact of information flows of social memory on the living space of society is revealed. The global horizon of social memory reveals a new configuration of the temporal structures of society, where a breakthrough into the future is accompanied by an increase in the problems of perception of the past, caused by the transformation of ways of storing information about the past. Gradual strengthening of the role of universal values in the spiritual life of the world community will contribute to the improvement of the main horizons of the social memory of modern society.

Key words: globalization, living space, information taxon, communication, universal values, risk, social space, social memory, tradition.

References

1. Ustyantsev V. B. Artefakty v zhiznennom prostranstve sotsial'noy pamyati [Artifacts in the life space of social memory]. In: Ust'yantsev V. B. *Vremya/bremya artefaktov* [Time/burden of artifacts (social analytics of irreparability)]. St. Petersburg, 2004, pp. 185–194 (in Russian).
2. Savelieva I. M., Poletaev A. V. Obydennyye predstavleniya o proshlom: teoreticheskiye podkhody [Ordinary ideas about the past: theoretical approaches]. In: *Dialogi so vremenem: pamyat' o proshlom v kontekste istorii* [Dialogues over time: memory of the past in the context of history]. Moscow, 2008. pp. 50–76 (in Russian).
3. Romanovskaya E. V. *Germenevtika traditsiy* [Hermeneutics of traditions]. Saratov, 2010. 120 p. (in Russian).
4. Tikhonova S. V. Pamyat' Interneta i sotsial'naya pamyat': perspektiva sliyaniya [Memory of the Internet and social memory: the prospect of merging]. In: *Filosofiya vremeni: ontologicheskiye nachala i tsennostnyye diskursy* [The philosophy of time: ontological principles and value discourses]. Saratov, 2017, pp. 68–73 (in Russian).
5. Ustyantsev V. B. Kontsept riska v problemnom pole sotsial'nykh nauk [The concept of risk in the problem field of the social sciences]. *Izv. Saratov un-ta. (N. S.), Ser. Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*, 2016, vol. 16, iss. 2, pp. 165–170 (in Russian).
6. Anikin D. A. *Toposy sotsial'noy pamyati v obshchestve riska* [Toposy social memory in a risk society]. Saratov, 2011. 144 p. (in Russian).
7. Fromm E., Xirau R. *Introduction to "The Nature of Man"*. London, 1968, MacMillan, 34 p. (Russ. ed.: Fromm E., Khirau R. Predisloviye k antologii "priroda cheloveka"). In: *Global'nyye problemy i obshchechelovecheskiye tsennosti*. Moscow, 1990, pp. 146–168).

Cite this article as:

Ustyantsev V. B. Social Memory in the Life Space of Socium. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 414–418. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-414-418>
